

Борис Колесов

Наш курс

Передо мной лежит книга: «Мы родом из НГУ. ФФ НГУ 1964-1969». На обложке - фотография главного корпуса (в наше время – единственного). Замечательная фотография, романтическая, с елочками. На самом деле корпус выглядит не таким игрушечным, а как-то попроще и фундаментальнее. Открываю книгу и с любопытством всматриваюсь в фотографии студентов: серьезные, умные лица. Только неправдоподобно молодые. Некоторых не могу узнать, ни лица, ни фамилии. Возможно, они учились с нами совсем короткое время и не запомнились. Других уже нет в этой жизни. Ушли. Среди них несколько человек, которые мне по-настоящему дороги.

Далее – тексты. Написано много, очень много, на целый пятисот страничный том. В основном это студенческие воспоминания о себе, об учителях, о забавных историях. Большая часть из написанного мне была неизвестна. Но это нормально, ведь люди писали про себя, свою жизнь.

Так что же мне нужно от этой книги? Написать еще раз о нас, какие мы хорошие и даже замечательные? Нет, поводом для обращения к этой теме послужило одно случайное событие. Как-то, роюсь на сайте НГУ в поисках нужных мне сведений, я вдруг наткнулся на фразу: «Легендарный выпуск физфака 1969 года». Я немного огорчился. Какого года, 1969? Так ведь это мы выпускались в 1969! Это же наш выпуск! То есть, это что же: мы – легенда? Я бросился искать хоть какой-то сопроводительный материал, объясняющий удивительное заявление – ничего. Кто сказал – неизвестно, по какому поводу - непонятно. Но меня серьезно зацепило, и я стал думать, откуда могло взяться такое замечательное, совершенно справедливое и невероятно лестное для нас утверждение.

Прежде всего хотелось понять, а в чем состоит наша легендарность? Конечно, нужно без ложной скромности признать, что формальные основания для гордости за самих себя у нас есть. Ведь это из нашего курса вышли ребята, ставшие физиками мирового уровня. Назову их по именам, хотя мы все и так их знаем: Александр Рубенчик, Евгений Кузнецов, Василий Пархомчук (теперь вот так строго. А ведь были когда-то Саша, Женя, Вася ...). Все трое – из первого выпуска ФМШ. Если этих троих достаточно, чтобы отнести наш курс к легендарным, то все, можно остановиться и не продолжать дальнейшие поиски. Но ведь и на других курсах есть, наверное, свои знаменитости. Я слышал, что среди выпускников НГУ (не нашего курса) есть успешные бизнесмены, есть даже руководители европейских исследовательских центров. Так в чем же дело? Почему мы?

Однажды, просматривая в Википедии раздел по нелинейным процессам, вдруг читаю: уравнение Кузнецова-Захарова. Кузнецов – это наш Женя Кузнецов, а Захарова мы тоже хорошо знаем (помню, помню, как он, в белоснежном заграничном свитере, этаким павлином расхаживал среди нас, бедных студентов, на экзамене по квантовой механике, со мной разговаривал презрительно и вкатил трояк!). Мне кажется, одно это уравнение стоит всех деловых и административных достижений, вместе взятых!

Однако, сразу хочу заявить, что нет никаких оснований считать, что мы в среднем оказались умнее других. Я много лет подряд вел спецкурс по колебательной спектроскопии на третьем курсе физфака и всегда (за очень редким исключением) мне в группе попадались умные и толковые ребята, хорошо понимающие те разделы физики, которые они уже прошли. Конечно, случались и не очень образованные, но так ведь они и у нас встречались. Тех

троих, что я назвал выше, можно было отнести к флюктуации. Но что-то маловато для флюктуации. Вот если бы их было тридцать три, а не три, тогда была бы полноценная флюктуация. Может, просто так звезды на небе сошлись?

И все же я рискну привести здесь некоторые обстоятельства, могущие послужить хоть какими-то аргументами для обоснования нашей «легендарности».

Первое. Мы родились в 1945-46 годах, когда окончилась Война. Мужчины вернулись с фронта к давно ожидавшим их женщинам. От этого произошел пик рождаемости, который, докатившись до 1964 года, образовал соответствующий всплеск числа абитуриентов, что конечно же повлияло на конкурс и последующий состав поступивших. С этим трудно не согласиться. Но были еще события, неявные и спорные, на первый взгляд, но, несомненно, повлиявшие на наш выбор. В начале 60-х стал полноценно функционировать Академгородок. «Форпост науки», «в дремучей сибирской тайге», «ученые с мировым именем», «самый молодой за Уралом» и многое другое слышали мы, еще школьники, каждый день по телевизору и видели смутные изображения строящихся корпусов институтов и энергичных лиц создателей «Города Науки». Реклама была дана превосходная. Подействовала она на наши неокрепшие умы? Да, подействовала! А тут еще очень кстати появился фильм «Девять дней одного года» про физиков новосибирского Академгородка. И не просто физиков, а элиту физики – физиков-ядерщиков. Сейчас смотреть этот фильм без улыбки нельзя. Но тогда Фантастически умные мужчины, красивые женщины ... Наши юные души подверглись ошеломительной атаке и, конечно, не смогли сдержать ее! Нам до слез захотелось стать такими, как герои Смоктуновского и Баталова в фильме! И мы рванули, и не куда-нибудь, а именно в Новосибирск, в НГУ, опять же создавая внушительный конкурс.

Второе. К 1964 году подоспел и первый выпуск Новосибирской ФМШ, который практически в полном составе оказался в числе студентов НГУ. Этот выпуск был, как можно предположить, наиболее продвинутым. Почему? Потому что опять та же природная аномалия в числе соискателей при поступлении в школу и зависящем от нее качестве отбора, но не только. Организацией ФМШ занимались креативные и мотивированные люди, они же составили и первый преподавательский состав в ней (см. воспоминание Е. Кузнецова, Наша Книга, стр. 192). Эти люди сумели вложить в своих воспитанников страсть к науке, а уж уверенности в своих силах воспитанники и сами набрались, и даже иногда сверх меры. Возможно, что отчасти по этой причине самые талантливые ребята нашего курса вышли из первого выпуска ФМШ.

Третье. Говорят, наш выпуск произвел много докторов и кандидатов, значительно больше (относительно), чем другие. Предлагаю поверить этому на слово. Но почему так произошло? Мы, конечно, умные и трудолюбивые ребята, спору нет, но дело, думаю, в другом: мы искренне хотели работать в Науке. Объяснение этому странному «вывиху» в мотивации выпускников может быть только одно: вспомните наших преподавателей. В самом деле, Ю.Б. Румер, А.М. Будкер, С.Т. Беляев, Р.И. Солоухин, В. Зелевинский и многие другие – блестящая команда выдающихся физиков, которая смогла показать нам всю красоту и привлекательность физики. Ну, а мы, чего греха таить, просто оказались восприимчивыми и благодарными слушателями.

Пункт четвертый, который я привожу с большим сомнением. Годы нашего студенчества, 60-е, пришлось на волнующий духовный подъем в стране. Вспомните беспрецедентную бардовскую волну (и сравните с той убогостью, которая сейчас царствует на нашей сцене), Тарковского,

Стругацких, художников и скульпторов (попавших, правда, под хрущевский бульдозер, но, значит, и было чему вызвать монарший гнев и мат). Стали доступны романы Булгакова, Пастернака. Отразилось это на нас и наше отношение к жизни? Не смею утверждать однозначно, но должно было отразиться.

Наконец, есть еще один пункт, пятый, за который меня также обругают, как и за предыдущий, но мне он нравится. Мы росли в трудные, а поначалу и голодные годы. Мы видели, как напрягаются наши родители, чтобы вырастить и выучить нас. Конечно, где-то в подсознании мы тоже изо всех сил старались не подвести их. Иначе говоря, гены трудолюбия, ответственного отношения к жизни, упорства были заложены в нас изначально. Поэтому мы шли по жизни серьезно и легких путей не искали. Или, если совсем коротко: мы – молодцы!

Сейчас мы вступаем в пору как бы не жизни, а дожития. Научные достижения, да и ненаучные тоже, по-прежнему манят нас, но теперь нужно еще и за здоровьем следить, чтобы сохранить душевную и телесную бодрость. Да и оказаться на темной стороне старости очень не хочется. Но мы справимся, ведь мы – «легенда»!

До сих пор я назвал лишь трех человек, составивших славу нашего курса. На самом деле их гораздо больше, может быть, не таких известных, но тоже сделавших немало для того, чтобы нас запомнили. Это и Саша Алтынцев, создающий громадный радиотелескоп в Сибири, Юра Бельченко и Володя Дмитриев, заметные фигуры в ИЯФе, Володя Бердников, главный сотрудник в Теплофизике, красавец и самбист Леня Борыняк, жизнерадостная Элеонора Виноградова, Володя Варнек, воссоздающий историю своего предка-художника и всех женщин, случившихся рядом с предком, Саша Гройсман, неутомимый историограф нашего курса, неугомонный Саша Золкин, Юра Идельс, одессит, неожиданно поразивший нас своим вокальным мастерством, скромный Виталий Ким, Кузьмин Володя, не успевший, к сожалению, раскрыть себя, Саша Логинов, яркий лидер и любимец всех, кто его знал, тихий и обаятельный Миша Лельчук, целеустремленный Саша Малютин, Володя Непомнящих, ушедший, как и Кузьмин, слишком рано от нас, веселый Саша Овечкин, внушительный Толя Оришич, Сэм Мушер, сделавший, говорят, серьезную деловую карьеру, Рома Погреб, флегматичный парень с мягким юмором, неожиданно погрузившийся в религию, Володя Сабинин, строгий модератор сайта нашего курса в интернете, обаятельный Валера Савкин, потрясающий знаток радиотехники, интеллигентный Борис Сысолетин, Володя Харитонов, все силы отдавший ФМШ, Павел Чаповский, глубже всех в мире проникший в тайну распределения ядерных спинов молекул воды и не только, Женя Черкасов, подавший всем пример мужества и принципиальности, Эренбург Симон, неунывающий весельчак, рекорд которого по прыжкам с шестом, установленный полвека назад, до сих пор не побит в НГУ, и многие, многие другие.

Но одного человека хочу назвать особо. Это Лариса Лавлинская. Высокая, стройная блондинка, удивительно обаятельная, умная, общительная, легкая на подъем, спортивная, она среди нас была как бы человеком с другой планеты. Там, куда заходила Лариса, становилось светлее. Тот, кто знакомился с ней, навсегда оказывался ее другом. Голос ее глубокого и сложного тембра, низкий, ласковый и проникающий одновременно, невозможно забыть. Я бы назвал Ларису легендой всего физфака, а, учитывая нашу «частную легендарность», то легендой легенды или легендой в квадрате.